

ВОЙНА

и

Рабочий класс

ДВУХНЕДЕЛЬНЫЙ
ЖУРНАЛ

15

1 августа 1944 г.

ИЗДАНИЕ ГАЗЕТЫ «ТРУД»
МОСКВА

Кровавыми жертвами России, Франции, Великобритании, Соединённых Штатов Америки была куплена победа над Германией. Она была достигнута в результате объединения усилий в коалиционной войне. Сохранили ли страны, участники коалиции, этот урок, этот завет бойцов, павших на полях гигантских битв, сохранили ли надолго, навсегда? Увы, нет. Один из историков первой мировой войны писал до начала новой войны:

«Перемирия 1918 года означают конец эпохи, когда союзники вели борьбу сообща. С мирной конференции обстановка меняется: боевое содружество рушилось».

Россия отсутствовала на мирной конференции: победители заняли враждебную позицию по отношению к молодой Советской республике. Задача разоружения Германии не была разрешена до конца. Нити, связывавшие антигерманскую коалицию, рвались с каждым годом. Соединённые Штаты Америки очутились в плену изоляционизма. Были прекращены союзные связи между Францией и Великобританией, Францией и Бельгией.

Что могло быть результатом этого, как не восстановление германского милитаризма? На глазах стран, отдавших миллионы жизней в прошлой войне, фашистская Германия готовилась к новой мировой войне и приступила к открытым захватам соседних малых государств. Никто ей не мешал, ибо не было антигерманской коалиции, единственной силы, способной прекратить немецко-фашистскую агрессию. Усилия Советского Союза, направленные к созданию единого фронта против германской агрессии, были сорваны мюнхенцами — умиротворителями. Германия начала войну и в течение первых

полутора лет одерживала одну победу за другой. Она овладела почти всей Западной и Южной Европой. Лишь после нападения Германии на Советский Союз возникла могучая антигерманская коалиция.

Всё человечество с величайшим вниманием следит за гигантской борьбой, происходящей на советско-германском фронте. Поразительная быстрота, с которой советские войска освобождают от немецко-фашистских полчищ всё новые и новые территории, знаменует собой приближающуюся катастрофу гитлеровской Германии. В то же время, сопоставляя стремительные темпы продвижения Красной Армии с медленным развитием военных действий в Нормандии, зарубежная печать пытается объяснить причины такого явления. Английская газета «Санди экспресс» в редакционной статье 16 июля писала:

«Возможно, что темп операций в Нормандии является несколько медленным. Повидимому, медлительность поистине всегда представляет собой нашу слабость... Те, кто планируют конечную фазу войны, никогда не должны забывать, что почти столь же важное значение, как и самая победа, имеет быстрота, с которой мы её достигнем».

С утверждением газеты о значении в настоящий момент активных, решительных действий против гитлеровской Германии нельзя не согласиться. Исторические уроки первой мировой войны свидетельствуют, что быстрейший разгром Германии осуществим совместными решительными наступательными операциями армий всех союзных стран при условии введения в активные бои против общего врага основных сил антигерманской коалиции.

От агрессии к капитуляции

1914—1918

Академик Е. ТАРЛЕ

НЕ нужно даже такого внешнего повода, как тридцатилетняя годовщина начала первой мировой войны, чтобы мысль упорно обращалась к истории войны 1914—1918 годов.

Прежде всего, конечно, неотвязно встаёт вопрос о той длинной цепи нелепейших ошибок, преступно близоруких расчётов и просчётов, узко классовых вождедений, о той навеки позорной странице дипломатической истории Европы, которая дала возможность

подняться и вооружиться для новых преступлений немецкому зверю, совсем недавно, казалось бы, обезоруженному, смирившемуся, надолго обезвреженному... Как случилось, что впустую были убиты и искалечены миллионы людей, которых четыре года и три месяца посылали на смерть, увещевая их бороться, не щадя своей жизни, так как впереди — желанная и окончательная победа над немецкими гуннами? Кто и за какую цену продал эту уже достигнутую победу?

Но, как ни важен этот вопрос, всё же он сегодня занимает нас меньше, чем другой: при каких обстоятельствах была тогда, осенью 1918 года, достигнута эта победа? И можно ли теперь, в 1944 году, говорить о 1918 годе, не остановившись на характерных чертах отличия между этими двумя моментами двух величайших в истории Германии военных поражений? Ибо черт отличия тут не меньше, чем признаков сходства.

В самом деле. Ведь в тот момент, когда гитлеровская шайка приступила к окончательному «увенчанию здания» и предприняла «военную прогулку», которая, начавшись 22 июня 1941 года, должна была закончиться не позже 1 сентября в Москве, она начинала своё дело в несравненно лучших условиях, чем вильгельмовская Германия, начавшая войну 1 августа 1914 года. Совсем неслыханная в истории «измена Франции самой себе», как с горечью и отчаянием выражались в 1940 году некоторые честные французские патриоты, — или, точнее, заблаговременно организованная измена гитлеровских платных и бесплатных агентов, — покончила с французским сопротивлением ещё раньше, чем оно даже и началось в сколько-нибудь действенных формах. И, заметим, это был не просто выход Франции из войны, а «дублирование сил Германии», как об этом, ликуя, писал немецко-фашистский официоз «Deutsche diplomatisch-politische Korrespondenz», потому что вся французская промышленность, всё колоссальное национальное богатство, все материальные ресурсы страны поступили в полное, бесконтрольное распоряжение Гитлера и его банды. Это обстоятельство предредило безболезненное для гитлеровцев и быстрое покорение почти всей континентальной Европы Германией.

Разве можно даже отдалённо сравнивать эту неслыханную, небывалую удачу, выпавшую на долю гитлеровской шайки, с той ситуацией, какая была налицо в 1914 году, когда германский главный штаб нашёл своевременным и целесообразным начать войну за мировое господство? Ведь тогда миллионная армия французов была налицо с первых же дней, армия, храбро и стойко сражавшаяся, армия, через пять недель после открытия военных действий уже нанёсшая немцам страшное поражение под Марной! Ведь вскоре к ней прибавилась английская армия, которая из месяца в месяц (уже начиная с осени 1914 года) превращалась из сравнительно незначительного войска во всё

более и более грозную силу. А в 1917 году явились и американцы, и начался непрерывный транспорт людей, боеприпасов, целых заводов, целых железных дорог в разобранном виде. Всё это во всё возрастающей прогрессии союзники переправляли через Атлантический океан, высаживали на французском побережье и бросали на врага. Притом враг страдал от хронического недоедания и в тылу и даже на фронте. Ведь Вильгельму не были предварительно отданы целиком в руки ни Дания, ни Голландия, ни Норвегия, ни Балканы с их зерновыми запасами, с их животноводством.

Наш великий Советский Союз за первые три года войны нёс на себе такое бремя, какого никогда не несла Российская империя во всё время первой мировой войны. Ведь гитлеровская банда во все эти годы фактически считала возможным направлять почти все свои людские силы и полностью все силы своих союзников и материальные ресурсы всей покорившейся ей Европы именно против Красной Армии.

Так было в нынешнюю войну. Но не так обстояло дело в прошлую войну. Надорванная в страшной борьбе на два фронта в первые три года (1914—1917) войны вильгельмовская Германия вступила в четвёртый, роковой для неё год, опять-таки вовсе не «разгрузившись» от восточного фронта, как выразился мечтавший о такой «разгрузке» генерал Гофман. Превосходно известно, что восточный фронт продолжал удерживать в пределах Украины, Белоруссии, Крыма, Кавказа, а также в Прибалтике колоссальную немецкую армию. Партизанское движение, успешнейшая революционная пропаганда в германских оккупационных войсках, стоявших в западной и южной частях нашей родины, полнейшая невозможность уйти с Востока, не теряя надежды получить оттуда столь необходимый тогда Германии хлеб, — всё это жестоко сковывало немецкие силы.

Но вот, наконец, приблизилась развязка. Что же заставило вильгельмовскую Германию капитулировать? Теперь мы уже это знаем довольно точно.

Когда германский штаб усмотрел ранней осенью 1918 года, что англичане и американцы начинают накапливать в самом деле огромные войсковые массы, а не только «демонстрируют сочувствие французам путём парадов и любительского участия в боях» (как долго шутил граф фон Ревентлов в националистических газетах), когда Лю-

дендорф убедился, что в самом деле у союзников не только колоссальные силы, но что они *всерьёз* пошли в огромное, общее наступление по всему фронту, — тогда и *только тогда* сломалась основная пружина в колоссальном, хорошо слаженном, бесперебойно действовавшем организме германской армии. Уже приближалась гигантскими шагами гибель, уже произошла катастрофа 8 августа, уже Людендорф узнал с ужасом, что бежавшие в разгаре битвы между Анкром и Авром германские полки кричали шедшим к ним на помощь свежим частям: «Штрейкбрехеры! Виновники затягивания войны!» («Streikbrecher! Kriegsverlängerer!») — и всё-таки ещё не было полного сознания, что «партия проиграна». Газета «Дер таг» и другие широко читаемые органы германской печати не только после катастрофы 8 августа, но даже ещё в середине сентября 1918 года, то есть после капитуляции Болгарии, продолжали твердить: «А всё-таки мы воюем на территории врагов, и нам достаточно уступать им время от времени там и сям по маленькой полоске фронта, чтобы благополучно продержаться сколько угодно. Вспомните, соотечественники, что англичане и французы около года всё брали у нас «домик паромщика» и никак не могли взять!»

Но германское главное командование знало уже, что в ближайший месяц союзники ждут ещё около миллиона свежих бойцов, кроме колоссальной наступающей армии. Последовала сразу капитуляция. И та же рука Людендорфа, которая ещё в первых числах сентября написала барону Буриану, австрийскому министру иностранных дел, обиженное и настойчивое письмо с указанием на недопустимость слишком невыгодного для Германии и слишком прибыльного для Австрии окончательного раздела «отвоёванных» польских земель, — ровно через месяц, 4 ок-

тября, написала другие слова на телеграфном бланке, адресованном канцлеру Макс Баденскому. Это были слова о том, что нужно немедленно просить у президента Вильсона и его союзников перемирия, ибо «армия сейчас ещё держится, но что будет через двадцать четыре часа, неизвестно». Людендорф писал, что необходимо просить перемирия на любых условиях, капитулировать, сдаваться на милость победителей! Средний немец, тот самый, который ещё ранней осенью 1918 года так охотно утешался юмористическими воспоминаниями о «домике паромщика», сразу же пал духом и бросился к ногам победителей, когда уразумел, что с ним не шутят, что на него идёт огромное, мощное, не останавливающееся перед жертвами, настоящее наступление.

Теперь, даже после страшных ударов, полученных гитлеровской армией от советских войск, после потери Роммелем Шербура и Кана, средний немец, возможно, всё ещё не желает понять всех размеров катастрофы, плотно надвинувшейся на Германию с востока, запада и юга. Но теперь всем ясно, при каких обстоятельствах он перестанет весело шутить относительно «нормандского Кассино» и перестанет верить своим газетным стратегам, продолжающим его утешать тем, что «западного фронта» не будет и что «не надо пугаться призраков», как выразился кто-то из подручных Геббельса в одной из недавних радиопередач.

Мы, советские люди, имеем все основания ждать, что наши союзники скоро разоблачат своими действиями всю нелепость этих немецких самоуспокоиваний, всю тщетность надежд подлой берлинской банды на столь желанную ей медлительность в развитии событий на полях Франции.

Военные действия в Северной Франции и расчёты гитлеровских авантюристов

Л. ВОЛЫНСКИЙ

ПОСЛЕ Тегеранской конференции, заявившей о предстоящих согласованных действиях трёх великих союзных держав, направленных к уничтожению врага сокрушительными и нарастающими ударами с За-

пада, Востока и Юга, гитлеровские авантюристы стали утверждать, что намеченное вторжение на Западе является лишь блефом, одним из приёмов «войны нервов», применяемой союзниками. Гитлеровцы не